

Лидия Чарская

Солнце встанет!

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-22

Ч-22 **Чарская Л.**
Солнце встанет! / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 116 с.

ISBN 978-5-4241-1365-9

У героинь замечательных книг Лидии Чарской есть чему поучиться: доброта, благородство, смелость, отзывчивость...

И пусть иногда за подобные качества в жизни им приходилось страдать, но эти страдания, как и в жизни, окупались сторицей.

Ведь только такие светлые люди способны на любовь, дружбу, подвиг во имя Родины...

ISBN 978-5-4241-1365-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская
Солнце встанет!

I

Трясясь и подпрыгивая, тарантас катился по пыльной дороге. Возница безнадежно унылым голосом ободрял лошадей, лениво тащившихся, благодаря нетерпимо удушливому июльскому полдню. Сидевший в тарантасе плотный и широкоплечий человек с лицом, наполовину скрытым огромной соломенной шляпой, с нетерпением поглядывал по сторонам.

— Скоро ли доедем, братец? — срывалось с его губ полный томительного нетерпения возглас.

Возница только плечами поводит вместо ответа да взмахивал кнутом больше для острастки, и снова принимался понукачь лошадок тем уныло-скорбным тоном, который присущ русскому мужику. Проехав версты две с небольшим таким образом, он вдруг самым неожиданным образом повернулся на козлах и проговорил:

— А у Строгановых на фабрике, слышь ты, беспокойно... Ноне наши красовские сказывали, што спичешники рядились управителя побить... И слышь ты управитель-то в Питер послал к хозяину. Хозяин сынка своего рядил прислать.

— Когда ж он приедет? — заинтересовался седок.

— А кто его знает! Не ноне — завтра, красовские говорят, будет сюды. Только, слышь ты, зря приедет-то. Уж больно руки у робят чешутся на управителя-то. Живодер он, вот што... Собака он, как есть, нехристь... собака, — неожиданно ожесточился ямщик и даже сплюнул в сторону.

— А ваших красовских на спичечном работает много? — снова поинтересовался седок.

— Много наших... Хлебушко всем жевать, слышь ты, надоть. И наши есть, и колотовские, что подле Нескучного, с низины, и рябовские тож...

— Как? Как ты сказал?.. Нескучное? — вдруг разом встрепенулся седок и даже в волнении сдвинул шляпу на затылок.

Теперь его можно было разглядеть вполне. На плечах этого настоящего по виду русского богатыря покоилась крупная голова с необычайно добродушным круглым румяным лицом, заканчивающимся курчавой бородкой, с целой копной густых русых кудрей и с таким детски-прекрасным светлым взглядом голубых глаз, которым могут только обладать цельные, чистые, недюжинные натуры.

Теперь эти глаза с пылливой тревогой подняли на лицо возницы.

— Нескучное, говоришь ты? Нескучное? — ронял он каким-то странным, дрожащим голосом. — Что же это Нескучное? Имение чье-нибудь?

— Хутор... енерала одного помершего... хутор. Богатый был енерал... важный. Только давно помер... А сама-то за другого, слышь ты, вышла. Тому годов с пяток будет. Раньше-то живала на хуторе сама-то, по вдовству своему, значит, после енераловой смерти-то, а апосля долгое время тамotka и людей не видать было, а ноне...

— Живет там кто-нибудь? — вырвалось каким-то новым нетерпеливым звуком из груди приезжего, и, если бы возница был чуточку посмышленнее, он почувля бы, что волнение охватило его седока.

Но возница не обладал тонким чутьем и не к чему ему было заниматься настроением приезжего. С тем же унылым видом он прикрикнул на пристяжную,

дернул возжею и уже, совсем обернувшись лицом к седоку, проговорил:

— Ноне там-то, в Нескучном, то есть, енеральская дочка, барышня, с теткой ейной живут... Уж, почитай, два года... Хорошая барышня... Ее и красовские, и колотовские, и рябовские все знают. Золото, а не барышня. Лучше фелшара али даже дохтура тебе всякого от разной, слышь ты, болезни вылечит... И ребят тоже, слышь ты, учит, и в больнице она, и на фабрике, и где тебе хошь... повсюду. И целый-то день в работе. Где силушки берет только... Сама-то хлябоватая такая, в чем душа держится, а в труде взрослому мужику не уступит... Ноне фелшар Гараське Вихрову руку резал; сказывал, огневица у Гараськи приключиться могла, так фелшар убег, сдержать, слышь ты, не мог Гараськи-то, а она, барышня-то наша, ему рученьку свою на плечо положила да и говорит: «Смотри на меня, Гараська, легче будет!». И впрямь легче. Дал руку себе по локоть отхватить и не пикнул даже. Вот она, барышня-то, у нас какая! — с заметной гордостью заключил свою речь мужик.

Седок с жадностью ловил каждое слово возницы. Неопределенная улыбка блуждала по его румяным губам. «Она! Она это! И никто больше! Она! Лица! Ангел Божий! Сокровище мое!» — выстукивали его сердце, мысль, все фибры его существа. Нет другой такой девушки на свет, нет другого такого ангела на земле. Он узнает ее из тысячи, из миллиона, из целого миллиарда девушек узнает он ее, потому что она единственная, и другой подобной ей нет.

И как странно складывается его судьба? Та, которая запретила ему искать ее, та, которая ушла от него и от общества, и от целого мира в глубокие дебри России, та снова случайно попадает на его пути! Он не искал её, нет, нет... Он не смел послушаться её приказания, он слишком уважал ее для этого. Виноват ли он, что сама судьба сводит их снова?..

И голубые глаза богатыря-атлета лучисто сияли, а плотная широкоплечая фигура часто вздрагивала под макинтошем, накинутым на его сильные плечи.

— Слушай-ка, дядя, — неожиданно обратился он к вознице, — а от Красовки к Нескучному большой крюк дать надо в сторону? А?

— От Красовки к Нескучному три версты будет только, — ответил возница. — А тебе на што?

Три версты! Три версты только отделяют их фабрику от того земного рая, где поселился этот ангел. И он не знал этого, когда вместе с отцом-миллионщиком приехал покупать эту фабрику полгода тому назад у её прежнего владельца. И он не знал, он, Сила Строганов, что его ангел, о котором он робко мечтал, ютится тут, около, почти рядом!.

Внезапный прилив могучего, остро, почти нестерпимого желания увидеть любимую девушку хотя бы издали, услышать её голос, этот чудесный в душу вкрадывающийся её голос, так властно заполонил все существо молодого человека, что он уже не мог противиться ему.

— Правь на Нескучное, братец! — неожиданно произнес он дрогнувшим от волнения голосом.

— Што ж так? Аль знакомые будете? — разом оживился возница. — Хорошая барышня, на редкость! — добавил он и, помолчав минуту, вдруг, словно воспрянув духом, изо всей силы ударил возжей по спине коренной и гаркнул: — эй, вы вывози, пустобрюхие! — и он молодецки выпрямился на своем сиденье.

«Как ее любят! Боже мой, как любят! — продолжало все петь в душе Строга-

нова. — Простой ямщик, жалкий мужичонка, и тот радуется, что увидит свою благодетельницу». И он, Сила Строганов, увидит ее. Что он ей скажет, чем сумеет оправдать свое ослушание наложенного на него запрета видеть ее? Он ничего не знает... Он знает только одно, что белый ангел, именуемый Ликой, здесь близко и что он увидит его, да, увидит его! Скоро... сейчас...

II

На террасе небольшого одноэтажного чисто оштукатуренного, с яркой зеленой крышей, окруженного огромным садом, тенистым и запущенным с трех сторон, а с четвертой стороны прилегающим к степи, сидела пожилая дама с сильною проседью в черных волосах, с черными усиками над тонкими, энергично сжатыми губами, маленькая, юркая, подвижная. Она держала в руках газету, которую быстро пробежала рассеянным взглядом. Её губы насмешливо поджимались и глаза поминутно презрительно щурились на черные точки печатных строк.

— Аграрные беспорядки... — шептала она чуть слышно, не отрывая взора от газеты. — «Сто человек крестьян из деревни Сидоровки, собравшись за околицей, нестройной толпой двинулись к дороге, к имению князя Бубенцова. Управляющий встретил толпу на полудороге, уговаривая разойтись, но, в ответ его благому предложению, были пущены камни из толпы. Управляющий не преминул благоразумно скрыться. Толпа проследовала до самого хутора, разграбила и уничтожила все богатое имущество князя, не пощадила старинного саксонского сервиза, прорвала и обезобразила картины старинного византийского письма, до которых князь был большой охотник, и, опустошив роскошные комнаты княжеского дома, ушла назад. В имение были вызваны казаки»...

Маленькая женщина с энергичными губами, вооруженными усиками, презрительно отшвырнула газету.

— Вот она, матушка, святая Русь! — произнесла она, брезгливо поджимая губы и морщась, словно от боли. — И «эти» хотят добиться желаемого!.. Почему европейский крестьянин не сжег бы и не ограбил бы? Потому что он сыт. В своем маленьком уголке он сыт. У него есть кусок сыра и бутылка кислого бордо, у него есть и умная, рассудительная башка на плечах. Он знает, что уничтожением и бойней он не достигнет ничего. А этот бедный темный народ думает... Нет, прежде чем дать ему хлеба, надо вскормить его мозг, надо вскормить его душу принципами гуманности и уважения к себе самому и своему праву. Да, надо научить его суметь признавать это право не в силу громящего разбойничьего инстинкта, а в силу доблестного сознания того, что он — сила великая, сила необходимая для огромного мирового атома, который зовется Россия; что вместе с караваем хлеба ему необходимо принять в себя дозу европейской цивилизации, иначе он заглохнет и одеревенеет и будет слепо следовать за своими вожакими, которые поведут его ради собственного влечения и наживы на темные и грязные дела. Ах, как слаба еще Россия, как много еще надо ей чтобы достигнуть общеевропейского роста, чтобы заглушить те стопы нищеты и нужды, которые то и дело слышатся во всех углах и закоулках!

Маленькая женщина на минуту задумалась. По её лицу промелькнула недоверчивая улыбка.

— И Лика думает пересоздать их, думает осветить тьму и пополнить ее солнечными лучами, — проговорила она чуть слышно. — Но, ведь, таких, как Лика, были тысячи и они гибли в борьбе. Господь да сохранит мою девочку, но задача непосильна её слабому, хрупкому существу. Натуры более сильные складывали оружие и преклонялись пред неизбежным, а моя Лика...

Маленькая женщина смолкла на мгновение и долго смотрела на небо. Потом её взор упал на дорогу, прихотливо извивавшуюся серой змеей между двумя рядами золотистой реки. Легкое облачко, стлавшееся по меже, привлекло внимание маленькой женщины.

«Кто-то едет, — мысленно произнесла она, прищунив свои близорукие глаза. — Неужели Лика? Не случилось ли чего? На спичечной Строгановых беспокойно, красовские совсем близко от этой спичечной... А что если и между красовскими уже началось брожение? И что если Лика там? Господи! И когда все это кончится только... Хотели найти тихий мир и забвение в этом пустынном уголку, а нашли...»

Маленькая женщина чуть заметно перекрестилась под своей полосатой английской весткой. Потом её глаза снова обратились на дорогу и она стала смотреть на приближающееся облако пыли. Вот, наконец, уже можно различить и тарантас, и лошадей, и возницу, и чью-то сильную, коренастую фигуру, занявшую собою все сиденье брички.

Зинаида Владимировна Горная, так звали маленькую женщину, долго всматривалась, прищунив глаза, и вдруг по лицу её пробежала радостная улыбка.

— Сила Романович, вы ли это? — вскрикнула она громко, бодрым, разом помолодевшим голосом.

Вмиг тарантас, гремя и громыхая, подкатил к террасе. Широкоплечий седок-богатырь на ходу выпрыгнул из него и, сорвав с головы свою соломенную шляпу, с низким поклоном склонился пред маленькой женщиной.

— Сила Романович! Вы? Ах, как я рада вас видеть! Вот приятный сюрприз! — весело говорила Зинаида Владимировна, пожимая огромные руки неожиданного гостя.

— Не прогоните-с? Я мимоходом... задержу не долго-с... Извольте видеть, у нас спичечники балуются, так отец меня сюда и прислал... командировки вроде. Ехал я туда на спичечную и к вам завернул... вас и Лидию Валентиновну проведать-с. Не прогоните, сделайте милость, Зинаида Владимировна! — ронял радостно взволнованным голосом приезжий:

— Прогнать вас?! Да Бог с вами, голубчик!.. Да мы здесь голоса людского не слышим. Уж так рада, что хоть одного прежнего знакомого вижу, что и сказать не могу. И Лика рада будет. Вот увидите... — ответила Горная.

— Лидия Валентиновна строго воспретили их здесь беспокоить, как уезжали, — разом упавшим голосом произнес Строганов.

— Ах, что знала Лика! — с досадой, махнув рукою, ответила Зинаида Владимировна. — Вы помните, при каких обстоятельствах тогда мы уезжали в деревню? — и глаза маленькой женщины робко погрузились в детски-чистые глаза её собеседника.

— Помню-с! — чуть слышно проронил тот.

— Ну, вот видите — снова оживленно подхватила Горная. — И не мудрено, что тогда ей хотелось забыться. Ее скомпрометировали достаточно. Вам я могу сказать это, вы — друг Лики, она часто отзывалась о вас, как о друге, все это время...

— Да неужто вспоминали они меня, Зинаида Владимировна, Лидия Валентиновна вспоминали? Господи Боже мой! Да чем же я заслужил такое счастье? — разом встрепенулся Строганов, и лицо этого взрослого ребенка запылало таким

неподдельным восторгом, что Горная не могла ласково не улыбнуться.

— Ну, вот видите ли, — с той же сочувственной улыбкой произнесла она снова, — тогда Лике было очень тяжело; это неудавшееся сватовство князя, навязанное ей родными, её отказ и дело приюта достаточно порастрепали нервы такой чуткой и впечатлительной натуры, какую она обладает, и не мудрено, что ей не хотелось никого видеть из тех прежних, кто окружал ее... Уверяю вас, что если она и вспоминает кого-нибудь, так это только своего брата, вас и маленькую Бетси... Не верите? Так спросите ее саму. Вот она, кажется, идет по дороге из Красовки по степи, глядите!

Едва только Горная успела произнести эти последние слова, как вся огромная фигура богатыря Силы встрепенулась, как былинка от дуновения ветра. Даже румяные щеки его чуть побледнели, а глаза, живо обратившиеся к степи, засияли лучистым светом.

— Позвольте-с навстречу Лидии Валентиновне пойти? — робкими звуками сорвалось с его губ.

— Идите, идите, голубчик!.. Не со мной же, старухой, вам болтать! — ласково усмеаясь, проговорила Горная.

Но её последние слова едва ли достигли до ушей Строганова, Позабыв весь мир, он быстро сбежал со ступеней террасы, миновал желтую площадку, раскинутую пред домом, и очутился за высоким тыном, отделяющим сад от широкой, привольной степи. По узкой меже двигалась тонкая фигура женщины, одетой во что-то светлое с белым платком на голове.

«Она!» — вихрем пронеслось в мыслях Силы Романовича при виде женской фигуры и он ускорил шаги, крепко нажав рукою сердце, чтобы как-нибудь утишить его быстрое, неверное биение. За десять шагов до приближающейся к нему светлой фигуры он остановился, сорвал шляпу с головы и ждал. Палящие лучи солнца играли на его русых волосах, делая их золотыми. Блаженная улыбка застыла на лице.

— Лидия Валентиновна! Не велите казнить — велите миловать! — произнес он негромко, опасаясь испугать молодую девушку, которая приближалась теперь к нему с задумчиво опущенной головою.

Она вздрогнула, подняла глаза...

С минуту они стояли молча друг пред другом. Строганов машинально теребил рукою усатые колосья, выросшие на краю межи. И вдруг ласковая улыбка тронула нежные розовые губки девушки. Протягивая обе руки навстречу гостю, она произнесла:

— Сила Романович! Милый! Вот приятная-то встреча! Ах, Господи!

В две секунды он был подле нее. Он готов был упасть пред ней на колена, ползать в пыли и целовать край её платья и говорить ей, говорить без конца о том, как он думал о ней все эти два года, как ожидал встречи с нею и не смел искать ее даже, потому что она запретила ему это. Но он не упал на колена, не бросился к её ногам и не целовал её одежды. Он был робок и стыдлив, как женщина, этот богатырь-ребенок. Он только нежно и осторожно пожал своей огромной лапищей её хрупкую ручку, которая вся потонула в его большой ладони, и застенчиво произнес:

— Не извольте гневаться, Лидия Валентиновна, что я посмел ваше приказание нарушить. Но видите ли...

И он путано и сбивчиво стал говорить ей о том, что соседняя с Нескучным фабрика теперь принадлежит им, и про то, что на фабрике «балуют» и что отец послал его осмотреться и «столковаться» с народом.

Они шли теперь оба рядом по узкой меже, между двумя стенами колосьев и Сила Романович мог вдоволь налюбоваться тою, чей образ он нежно и долго лелеял в своей душе. Лица очень изменилась в два года разлуки. Когда она сняла платок с головы, чтобы обвеять им пылающее от жары лицо, он сразу заметил, что она точно выросла и возмужала. Прежнее детское выражение навсегда исчезло с её красивого, молодого лица. Какие-то горькие складки оттянули книзу углы её нежных, приветливых губ. В серых глазах, жизнерадостных прежде, теперь залегло горькое выражение не то укора, не то пытливого вопроса, неразрешенного никем. Легкая морщинка врезалась между черными тонкими бровями и придавала выражение сосредоточенности и скорби всему её тонкому, худощавому личику, значительно тронутому степными ветрами и солнечным загаром. Свои чудесные золотистые волосы она остригла и теперь они прихотливо вились, как у мальчика, вокруг её смуглого от загара лица. От прежней нежной, розовенькой хрупкой барышни в Лике не осталось и следа; это была новая Лика, но едва ли не более притягательная и прекрасная, с этим лицом мученицы-фанатички, с этим неуловимым выражением готовности к борьбе в прекрасных скорбных глазах.

— Что смотрите на меня? Не узнаете? Состарилась я, подурнела? — спросила она, видя, как Строганов робко оглядывает ее сбоку, идя рядом с нею. — Очень постарела я, Сила Романович, а?

— Ах, нет! — вырвалось у него порывистее и прямодушнее, нежели он этого хотел, — возмужали вы, это верно, Лидия Валентиновна, и старше стали как будто, но... такая же красавица, как и были, если не лучше еще... — заключил он пылко.

— Ну, уж этого я и не ожидала от вас, Сила Романович, я здесь от петербургских комплиментов вовсе отвыкла. И не вам их говорить, и не мне слушать! — произнесла с каким-то гордым, вызывающим выражением в лице молодая девушка.

Сила сконфузился.

«Подделом тебе! Подделом, мужичина сиволапый! — произнес он мысленно с каким-то злорадным торжеством, — нечего тебе, серому мужичонку, лапотнику, с суконным рылом да в калашный ряд тесаться... Тоже комплиментчик какой выискался! Обидел ее, как есть обидел... Генеральская дочка и вдруг от купца-аршинника комплимент какой!»

А Лика, между тем, и забыла даже о том, что слышала от своего спутника за минуту. Она шла серьезная, сосредоточенная, вся ушедшая сама в себя. Ей было о чем подумать. В Красовке начинался тиф, занесенный с фабрики, очевидно. И ни средств для борьбы с заразой, ни рук, ни медикаментов не было. Быт фабрики тоже немало угнетал ее. Там работали дети в узких, маленьких камерах, насыщенных вредными, ядовитыми парами. Фабричная больница была набита битком. Лика не имела права идти туда без разрешения хозяев, однако, водила туда как-то Герасима Вихрова ампутировать руку, перерубленную в драке, и ей довелось увидеть все те прорехи и недочеты, которые в голос кричали о себе. Она отлично понимала, что спичечники волновались не зря. Их заработок дале-

ко не покрывал их жизненных условий, они работали сверх нормы, надсаживая здоровье и силы. Она давно знала, что спичечная фабрика куплена Строгановым и что ей легче, чем кому-либо другому, обратиться с просьбою к Силе улучшить быт серой массы: написать ему все, как обстоит дело на фабрике, в чем именно необходима реорганизация и какое улучшение можно сделать в жизни тех голодных, истерзанных душою и телом десятков людей, которые продают свое жалкое существование за мелкие гроши. Но она боялась сделать это, боялась напомнить о себе и снова зажечь погасшее уже, может быть, чувство в сердце молодого миллионера. Теперь же судьба, как бы нарочно, посылала на ее пути этого человека и она чувствовала, что уже не сумеет удержать в себе то, что копилось в её душе.

— Сила Романович, милый, — начала Лика, — хорошо вы осмотрели фабрику, да?

— Когда осмотрел-с? Теперь-с? Да я еще и не был там, Лидия Валентиновна. Я прямо с поезда туда поехал да по дороге к вам свернул... Уж простите-с! — произнес он с чистосердечно-виноватым видом.

— Вы хотели меня видеть? Да? — ласково произнесла Лика.

— Ужасно! — искренним, восторженным звуком вырвалось прямо из груди Строганова.

Лика нахмурилась и её лицо приняло строгое, почти суровое выражение. И вдруг она улыбнулась снова. Улыбка у неё осталась та же, что и два года тому назад, и в этой улыбке, казалось, воскресала прежняя Лика. Сила сам невольно просиял при виде этой улыбки.

— А, ведь, ваш братец Анатолий был прав, когда говорил, что вы ему напоминаете эту француженку святую... — начал он робко, ободренный её лаской.

— Француженку святую? — рассмеялась Лика и стала уже совсем прежней в эту минуту. — Ах, да, — спохватилась она, мило краснея, — Толя говорил часто, что я ему святую Женевьеву напоминаю...

— Вот, вот, именно-с! — обрадовался её неожиданному смеху Строганов.

— А что он, как? Счастлив?

— Анатолий Валентинович, с моей двоюродной сестрицей весело живут. Тятенька им их свадьбу с убогом простил. И молодых наградил порядочно. Жить можно хорошо, а...а...

— А только им все не хватает! — засмеявшись снова, подхватила Лика.

— Вот то-то и дело, что не хватает! — подтвердил Строганов, — уж очень шибко живут. А вам приютские кланяются, — неожиданно произнес он, — и Федюша, и остальные. Федя уж совсем большой малец стал. Его в гатчинский институт хочу поместить... способный парнишка.

— А вы часто там бываете в нашем приюте? — и умышленно подчеркивая слово «нашем», спросила Лика.

— Почитай что каждый день, Лидия Валентиновна, заезжаю проведать!

— Ах, вы, милый! — искренне и нежно вырвалось из груди молодой девушки. — Ах, вы, добрый, хороший, славный Сила Романович! Спасибо вам!

И она протянула ему обе руки, которые он, не осмелясь поцеловать, легонько пожал.

И тотчас же мысль подсказала Лике: если этот большой прямодушный человек так добр к ней и к тому маленькому делу их приюта, то к своему личному